

А.С. Барсенков*

**ПРОДВИЖЕНИЕ ПРАВООЗАЩИТНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ
КАК ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОГО» ВОЗДЕЙСТВИЯ СТРАН
ЗАПАДА НА ГОСУДАРСТВА СОЦЛАГЕРЯ В ГОДЫ
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Одной из отличительных черт современного внешнеполитического дискурса как в странах Запада, так и в России является усиление интереса к использованию для продвижения своей позиции на международной арене невоенных и неэкономических инструментов, инструментов «мягкой силы». В то же время в российских политических кругах и академической среде до сих пор не сложилось сколько-нибудь единого мнения относительно эффективности и целесообразности применения «мягкой силы», ее преимуществ и недостатков. Для восполнения этого пробела в данной статье автор обращается к изучению предпосылок возникновения концепции «мягкой силы». В центре внимания оказывается опыт использования странами Запада правозащитной проблематики в годы «холодной войны». Особое внимание уделяется деятельности различных неправительственных организаций. Отмечается, что уже в первые послевоенные годы обозначилась принципиальная разница в подходах к правозащитной проблематике западных стран, с одной стороны, и СССР и его союзников — с другой. По мнению автора, переломным моментом с точки зрения использования Западом проблематики защиты прав человека в противостоянии со странами соцлагеря стала вторая половина 1960-х — 1970-е годы. Подписание в 1975 г. Хельсинкского заключительного акта привело к резкой активизации деятельности международных правозащитных организаций, увеличению их финансирования. Эти тенденции создали контекст, в котором с 1985 г. разворачивались переговоры на высшем уровне между руководством СССР и США по широкому кругу вопросов, связанных с проблемами разоружения и международной безопасности, сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной

---

* *Барсенков Александр Сергеевич* — доктор исторических наук, профессор кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: barsenkov@yandex.ru).

** Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

сферах. В статье подробно анализируются ход, итоги и последствия этих переговоров, главным из которых стало завершение «холодной войны» на условиях Запада. Рассмотренная под этим углом зрения история завершающего периода «холодной войны» позволяет лучше понять сдержанное, настроенное отношение российских политических элит к концепции «мягкой силы».

Ключевые слова: Советский Союз, США, «мягкая сила», «холодная война», права человека, правозащитные организации, неправительственные организации, «перестройка», «новое мышление», Хельсинкский заключительный акт, М.С. Горбачев, Р. Рейган, Дж. Буш-старший.

Современный интерес к проблематике «мягкой силы» в мировой политике едва ли можно считать случайным, что, думается, не в последнюю очередь связано с расширением масштабов применения «жесткой», военной силы Соединенными Штатами в Афганистане и Ираке в первом десятилетии нового века. Во-первых, официально провозглашенные ими в ходе соответствующих операций цели не были достигнуты, а во-вторых — масштабное использование оружия привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения, что ухудшило имидж США в мире и стало вызывать недовольство в самом американском обществе. Надежды на «гуманизацию» форм глобального лидерства нашли отражение в «превентивном» присуждении Нобелевской премии мира новому президенту-демократу Б. Обаме, выразившему готовность опираться на «умную силу» и проводить более кооперационную политику с привлечением заинтересованных государств (премией наградили не за сделанное, а за *обещания* фактически отказаться от курса, проводимого Дж. Бушем-мл.). Внимание к «мягкой силе» было актуализировано и подъемом Китая, активно «осваивающего» самые различные регионы с помощью невоенных инструментов. Экономический успех, социальную и культурную привлекательность в КНР рассматривают как важнейшие факторы воздействия и на мировую политику, и на отдельные страны. Некоторые исследователи считают это частью начавшейся «Великой геополитической революции» [Брутенц, 2014].

В России проблематика «мягкой силы» не раз поднималась на самом высоком уровне в 2011–2014 гг. Выступая на Совещании послов и постоянных представителей России за рубежом в июле 2012 г., президент В.В. Путин заметил, что «политика “мягкой силы” [курсив наш. — А.Б.] предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере. Пока, надо признать, образ России за рубежом формируется не

нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальной ситуации в нашей стране, ни ее вклада в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. Те, кто стреляет и постоянно наносит ракетные удары тут и там, они молодцы, а те, кто предупреждает о необходимости сдержанного диалога, те вроде как в чем-то виноваты. А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию»¹. Министр иностранных дел С.В. Лавров также отмечал: «Сегодня очевидно, что без грамотного использования солидного ресурса “мягкой силы” невозможно эффективно отстаивать интересы государства в мире»². В «Концепции внешней политики Российской Федерации» (февраль 2013 г.) констатируется, что «мягкая сила» стала неотъемлемой частью мировой политики. В документе она определяется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы». Здесь же отмечается, что обострение различных конфликтов в мире ведет к противоправному использованию «мягкой силы» в «целях оказания давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением»³. Тема «мягкой силы» активно обсуждается ведущими учеными-международниками [Лики силы, 2013].

В самом общем виде под «мягкой силой» понимают набор невоенных и неэкономических инструментов воздействия на государства, создания в них внутренних условий, позволяющих обеспечить желательное для субъекта воздействия поведение в международных делах. Внутри государств объектами такого воздействия становятся принимающие решения элитные группы и отдельные политики, экспертное сообщество, лидеры общественного мнения и, наконец, население страны. Огрубляя решаемые в этой сфере задачи, сам автор термина Дж. Най в своей последней книге пишет о «выкручивании мозгов» [Най, 2014: 148]. В этой связи к основным сферам проецирования «мягкой силы» следует относить прежде всего публичную дипломатию, образовательное и научное взаимодействие, средства массовой информации.

---

¹ Путин В.В. Россия в меняющемся мире // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 11.

² Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы» // Международная жизнь. 13.12.2011. Доступ: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8129> (дата обращения: 20.07.2014).

³ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации. Доступ: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DD EDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 20.07.2014).

По понятным причинам проблематика «мягкой силы» чаще всего исследовалась преимущественно на материалах США [Ширяев, 2006: 236–271]. Залогом успешности ее применения принято считать наличие стратегического целеполагания, систему координирующих эту деятельность институтов, серьезное ресурсное обеспечение и адресность [Най, 2014: 340–379]. При всей важности ее самостоятельного изучения следует подчеркнуть, что «мягкая сила» — это составная часть общей мощи государства, куда также входят военная и экономическая силы. В этой связи удачным представляется метафорический образ сообщающихся сосудов [Паршин, 2013: 37]. Неслучайно сейчас чаще говорят об «умной силе», предполагающей уместное использование каждого из трех ее видов.

При существовании различных подходов к определению «мягкой силы» в ней выделяют две составляющие: пассивную, рассматриваемую как совокупность присущих субъекту черт, связанных с успехами в его социально-экономическом и политическом развитии, культуре, в международных делах (что условно можно объединить понятием «привлекательность» или даже «соблазнительность»), и активную, предполагающую продвижение (информационное и практическое) своих ценностей для решения внешнеполитических задач. Эти задачи могут иметь стратегическое измерение, рассчитанное на длительный период, а могут решаться в различных спонтанно и не спонтанно возникающих ситуациях. Опыт последних десятилетий («бархатные революции» в Восточной Европе 1989 г., «революции нового поколения» 2000-х годов, включая события 2014 г. на Украине) актуализирует внимание в первую очередь к «деятельностному» аспекту «мягкой силы».

При этом следует отметить, что современная структура ненасильственного влияния складывалась под действием конкретных факторов мировой политики, возникших после победы над нацизмом. К их числу следует отнести появление темы прав человека, возникновение и эволюцию неправительственных организаций (международных и внутригосударственных), проблематику «помощи развитию», советско-американское противостояние в ходе «холодной войны». Цель данной статьи — проследить возникновение и эволюцию факторов, приведших к *появлению* понятия «мягкая сила» как самостоятельной категории в науке о международных отношениях, оказывающей заметное влияние на формирование внешней политики ведущих современных государств.

* * *

После завершения Второй мировой войны и образования ООН начался новый этап в истории международных ассоциаций. Сам термин «неправительственные организации» — НПО (non-govern-

mental organization — NGO) появился в Уставе ООН, право участвовать в работе ее структур поднимало значение ассоциаций. Считается, что именно их представители настояли на включении в Устав организации пункт о защите прав человека как одной из первоочередных целей ООН. Непосредственным мотивом оживления интереса к этой проблематике было стремление исключить повторение ужасающих преступлений нацизма. С этого момента началось международное сотрудничество в области прав человека. В 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, в разработке которой участвовали эксперты из самых разных стран, включая СССР, государств третьего мира, а также НПО.

Однако в условиях начавшейся «холодной войны» международное сотрудничество в этой сфере понималось по-разному. Для СССР это означало соблюдение принципов защиты прав человека каждым государством, США стремились контролировать соблюдение прав человека прежде всего в других странах. Обе стороны использовали эту тематику для укрепления своего влияния, но были и фундаментальные различия в подходе к проблеме. В западном праве существует разделение прав человека на индивидуальные и коллективные. Первые считаются «естественными», долг каждого государства — соблюдать их любой ценой; вторые называют «неклассическими». По оценкам же советских юристов, в отрыве от социально-экономических так называемые личные права превращаются в фикцию [СССР и международное сотрудничество..., 1989: 7].

Эти и другие противоречия стали причиной того, что Декларация 1948 г. не получила статуса международного договора, оставшись не имеющей юридической силы резолюцией Генассамблеи. В то же время объединение НПО в Конференцию при ООН, приглашение их представителей участвовать в работе над текстом Декларации закладывали основы будущего влиятельного сообщества правозащитников. Сам термин «права человека», а не «права гражданина» подчеркивал их универсальность и «трансграничность». Идея универсальности прав человека создавала предпосылки для появления структур, способных проводить ее в жизнь, притом как официальных, межправительственных, так и НПО. Активная разработка проблемы прав человека неправительственными организациями началась в 1961 г. (в частности, в «Amnesty International», основанной бывшим кадровым сотрудником «Intelligence Service» П. Бененсоном).

В 1950–1960-е годы в деятельности западных НПО появилось новое направление — «помощь развитию», в рамках которого не только осуществлялись перечисление средств и техническая поддержка, но и шло распространение западных политических и идео-

логических стандартов. Если правительства оказывали помощь по официальным каналам, то НПО в контексте общей линии действовали неформально, имея определенное пространство для политических маневров. После Второй мировой войны американские НПО (созданные ранее формально благотворительные фонды — Форда, Рокфеллера, Карнеги) начали активно взаимодействовать с внешнеполитическими структурами США, создавать аналитические учреждения в этой сфере. Фонды Форда и Рокфеллера уже в 1950-е годы не только поощряли развитие различных научных, управленческих, банковских структур в третьем мире, но и занимались распространением демократических ценностей и помогали некоторым политическим партиям.

«Холодная война» между СССР и США сопровождалась войной психологической. Ее началом принято считать директиву Совета национальной безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г. с характерным названием «Цели США в войне против России». Там был перечислен широкий спектр задач, в том числе идеологического воздействия на население страны-противника. Под эгидой ЦРУ сформировалась соответствующая разветвленная инфраструктура. В то же время советское общество в информационно-идеологической сфере оставалось уязвимым. Хрущевская «десталинизация» и широкая пропаганда утопического коммунизма, развернувшаяся после принятия новой программы КПСС в 1961 г., вели к усилению догматизма, ослабляли иммунитет в отношении, как тогда говорили, «идеологических диверсий империализма» [Лисичкин, Шелепин, 2005: 76–83, 157].

На изменение американской стратегии противостояния СССР в рамках доктрин «отбрасывания коммунизма» и «освобождения» Центральной и Восточной Европы повлияли два острых кризиса — Берлинский (август 1961 г.) и Карибский (октябрь 1962 г.). Именно в тот период пришло понимание, что допускаясь до этого «горячая» война с СССР может привести к миллионным жертвам среди собственного населения и поэтому неприемлема. Американские идеологи внешней политики обосновывают важность переноса акцента на мирные методы борьбы против коммунизма, полагая, что умелое использование торговли, дипломатии, обмена в области культуры и просвещения может дать гораздо больше в смысле освобождения Восточной Европы, чем жесткое противостояние и «железный занавес». Цель такой политики виделась в приобщении молодого поколения европейских соцстран к «ценностям западной цивилизации», поощрении либеральных и националистических тенденций.

Аналогичные настроения возникали и в Европе. В ФРГ зарождалась «новая восточная политика», которую связывают с именами

Э. Бара и В. Брандта. В 1963 г. они выступили за курс «перемены через сближение», предполагавший снятие разделявших немецкие государства спорных вопросов и развитие «по максимуму» политических, экономических, культурных связей, но главное — контактов между людьми. Это должно было привести к изменению ситуации в СССР и других соцстранах, когда «коммунисты своими руками демонтировали бы свой строй и позиции на международной арене» [Квицинский, 2006: 72]. На политическом уровне эти идеи нашли отражение в провозглашенной Л. Джонсоном в мае 1964 г. доктрине «наведения мостов» между Востоком и Западом.

Все это привело к тому, что во второй половине 1960-х — 1970-е годы усилилось внимание к «правочеловеческой» проблематике. В 1966 г. появились Пакт об экономических, социальных и культурных правах и Пакт о гражданских и политических правах, что отражало сохранявшиеся глубокие различия между странами «Востока» и «Запада». Последние настаивали на приоритете гражданских и политических прав даже за счет ущемления государственного суверенитета [Остапенко, 1981: 8]. СССР придерживался позиции, согласно которой реализация положений Пактов — исключительно внутренняя компетенция государств.

1968 год был объявлен Годом прав человека. На состоявшейся в том же году в Тегеране конференции ООН была предпринята попытка ввести пост Верховного комиссара ООН по правам человека, что передавало бы эти сюжеты в ведение мирового сообщества. Происходившее оказывало определенное влияние на внутреннюю жизнь Советского Союза: в апреле 1968 г. вышел первый номер «Хроники текущих событий», озаглавленный «Год прав человека в СССР». Началась история правозащитного движения в СССР. Во второй половине 1960-х годов Советский Союз активно продвигал идею созыва общеевропейского совещания для окончательного закрепления территориальных и политических итогов Второй мировой войны. Учитывая заинтересованность Союза, на Западе пришли к убеждению, что для СССР *ценой признания* неизбежности послевоенных границ должно стать принятие на себя международных обязательств в гуманитарной сфере, что и было реализовано в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. И хотя соответствующие положения были включены в Конституцию СССР 1977 г., советское руководство не видело в этом угрозы, так как в Заключительном акте был закреплен и принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Однако к тому времени заметно изменилась внешняя среда. «Партнеры» СССР считали, что документ обладал всеми чертами международного договора, подлежащего обязательному выполне-

нию. В 1970-е годы уже сформировалось международное сообщество правозащитников, участники которого отслеживали соответствующую информацию и координировали свою деятельность. В 1977 г. британской «Amnesty International» была присуждена Нобелевская премия мира, что подчеркивало значимость работы в этой сфере. В середине десятилетия корректировались и американские позиции. При разработке избирательной кампании Дж. Картера американские политики исходили из того, что «страх перед коммунизмом больше не служит цементом, скрепляющим внешнюю политику США. Такой темой может стать тема прав человека, которая пробуждает живой отклик у людей во всем мире» (З. Бжезинский) [Савин, 1983: 169]. Администрация развернула соответствующую деятельность. В 1978 г. началась история американской «Human Rights Watch», ставшей одной из ключевых правозащитных НПО. Ретроспективно американские участники неправительственных организаций, обобщая их послевоенную деятельность, выделяли три поколения НПО. Первое — благотворительные организации, которые занимались социальными вопросами. НПО второго поколения перешли к развитию так называемой самопомощи и структурным изменениям на местном уровне. Третье поколение стремится к изменению государственных институтов, которые «мешают организовать эффективную самопомощь» [Hadiwinata, 2003: 23]. По сути, первую попытку воздействия Запада на внутреннюю политику СССР на основе либерально-ценностных подходов можно отнести к 1974 г., когда расширение экономического сотрудничества с Советским Союзом со стороны США ставилось в зависимость от готовности Союза изменить эмиграционное законодательство (поправка Джексона—Вэника).

Хельсинкский заключительный акт оказал значительное влияние на дискуссию о нарушении прав человека в СССР. Принятие документа привело к появлению «хельсинкских групп» внутри социалистических стран, настаивавших не только на включении демократических прав граждан в национальные законодательства, но и на соблюдении соответствующих норм. Деятельность этих групп пропагандировалась, сами правозащитники активно апеллировали к поддержке со стороны западных правительств. 17 мая 1976 г., через 17 дней после образования Московской хельсинкской группы, в палате представителей была выдвинута инициатива создания комиссии для мониторинга выполнения хельсинкских соглашений. Временное совпадение не было случайным: хотя СССР прямо не упоминался, было понятно, для чего создается новая структура. В нее вошли как конгрессмены, так и сенаторы, которые начали работу уже в июле 1976 г., фокусируя внимание на нарушении прав человека в СССР. Представитель США на Белградской встрече

СБСЕ (1977–1978) стал последовательно продвигать идею переноса проблематики прав человека внутри отдельных стран на международный уровень. Как отмечал специализировавшийся на советской гуманитарной проблематике американский дипломат Р. Шифтер, к концу правления Дж. Картера произошло утверждение американской политики публичной критики советского руководства за нарушение прав человека в СССР [Adamishin, Shifter, 2009: 76]. На негативное восприятие СССР в мире стал существенно влиять ввод советских войск в Афганистан.

Р. Рейган, провозгласивший Советский Союз «империей зла», отталкиваясь от уверенности в экономическом ослаблении СССР и понимания того, что страна находится в процессе смены поколений политического руководства, пришел к выводу о возможности перехода к наступательной политике и достижения целей, ранее казавшихся лишь пропагандистскими. В основе американской позиции должны были лежать «реалистический подход, позиция силы и диалог» [Мэтлок, 2005: 78]. Конкретизация задач администрации в отношении СССР на второй срок была осуществлена в программной речи Р. Рейгана в январе 1984 г. В ней говорилось о необходимости, во-первых, исключить угрозы применения силы при решении международных конфликтов; во-вторых, сократить огромные запасы вооружения; в-третьих, создать лучшие рабочие взаимоотношения через укрепление доверия посредством расширения контактов между странами и разрешения свободного обмена информацией и идеями. По инициативе госсекретаря Дж. Шульца к этим задачам было добавлено положение о соблюдении прав человека в СССР. Так родилась программа из четырех пунктов, реализация которой, по мнению ее инициаторов, привела бы к окончанию «холодной войны» [Мэтлок, 2005: 100]. Выдвижение американской позиции сопровождалось мощной международной пропагандой, достаточно успешно решавшей проблему создания негативного образа СССР.

В 1985 г. Советский Союз возглавил молодой амбициозный лидер, демонстрировавший политическую волю к преодолению очевидной для всех стагнации. Однако цельной и продуманной концепции внешней и внутренней политики у него не было и в силу особенностей советской системы быть не могло. Начался поиск новых подходов как к внутренним преобразованиям, так и к международной линии государства. Уже в первых выступлениях М.С. Горбачев подчеркивал необходимость восстановления диалога и преодоления напряженности в международных отношениях. Он неоднократно повторял, что СССР готов к действительным и очень крупным сокращениям стратегических ядерных вооружений. Летом и осенью 1985 г. советский лидер выступил с рядом

масштабных инициатив, в которых особое место уделялось Европе. Однако основные проблемы предстояло решать с американским президентом, знакомство с которым состоялось 19–21 ноября 1985 г. в Женеве.

На переговорах М.С. Горбачев энергично продвигал традиционную советскую разоруженческую проблематику. На встрече обсуждались вопросы сокращений стратегических вооружений, ракет средней и малой дальности, перспективы американской Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Это был советский «пакет» предложений, которого, по мнению советских военных экспертов, должен был придерживаться советский лидер. Р. Рейган столь же настойчиво придерживался своего «пакетного» подхода из четырех пунктов. В результате ни по одному из обсуждавшихся вопросов договориться не удалось, тем не менее итоги встречи обеим сторонам представлялись обнадеживающими: был установлен личный контакт, лидеры фактически отказались от практики длительных предварительных обсуждений на уровне военных экспертов, что ускорило процесс выработки соглашений. Р. Рейган впервые в истории советско-американских отношений на столь высоком уровне поставил вопрос о состоянии прав человека в СССР и необходимости следовать договоренностям Хельсинкского заключительного акта. *Тогда* М.С. Горбачев отверг обвинения в его нарушении и вновь подтвердил, что вопросы соблюдения прав человека являются внутренним делом страны и не могут быть объектом международного внимания. Столь же последовательно он уклонялся от предложений американского лидера «разобраться» с международными конфликтами в регионах, где США и СССР поддерживали разные группировки.

В 1986 г. были сделаны важнейшие шаги в формировании «нового мышления» во внешней политике СССР. Главной теоретической новацией стала *идея единого взаимозависимого мира*, «задвигавшая» борьбу двух систем (капитализма и социализма) даже не на второй план. Было сформулировано предложение о создании *всеобъемлющей системы международной безопасности*, которая охватила бы не только военную, но и политическую, экономическую и гуманитарную сферы.

Прошедшие после встречи в Женеве полгода не привели к реальным подвижкам в советско-американских отношениях. В то же время и собственные советники, и некоторые зарубежные лидеры настойчиво убеждали М.С. Горбачева более реалистично оценивать позиции, с которых ведутся переговоры, что вскоре дало результаты. Рубежной стала конференция, прошедшая 23–24 мая 1986 г. в МИД СССР. М.С. Горбачев открыто заявил, что без перераспределения военных расходов в гражданские сектора развивать

отечественную экономику невозможно. Решение этой задачи требует внимательного учета интересов других государств. На участников встречи произвели впечатления слова о том, что «социализм — это ошибка истории, что это — заведомо отсталая экономика, что у советского общества нет перспективы» [Квицинский, 1999: 482]. МИД был нацелен на поиск компромиссов, был радикально обновлен дипломатический корпус, в ведущие столицы были назначены новые послы, начались подвижки на всех переговорных площадках.

Изменение позиции СССР нашло отражение в ходе подготовки к встрече с Р. Рейганом, намеченной на осень 1986 г. в Рейкьявике. Ее цель со стороны СССР М.С. Горбачев определил так: необходимо «сорвать следующий этап гонки вооружений <...>. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку, и мы ее проиграем, ибо мы на пределе возможностей»⁴. Встреча проходила в «узком» формате и в закрытом режиме, что расширяло возможности для откровенного и даже резкого обмена мнениями. На этот раз на переговорах затрагивались все четыре пункта американской повестки, включая права человека, которые М.С. Горбачев предпочитал называть «гуманитарными проблемами». Р. Рейган специально подчеркнул, сколь важно добиваться прогресса именно в этом отношении, если СССР хочет сокращения вооружений и улучшения отношений в других областях. В ходе встречи работали уже две экспертные группы: одна занималась контролем над вооружениями, а другая — региональными конфликтами, правами человека и улучшением контактов и связей. С этой встречи состояние гражданских и политических прав в СССР стало обязательной составляющей советско-американских дискуссий на высшем и других уровнях.

По формальным критериям встреча для Советского Союза не была успешной: из-за неуступчивости Р. Рейгана по СОИ было сорвано подписание договора о крупнейшем сокращении стратегических вооружений. Однако значение «Рейкьявика» видится в другом. По-видимому, встреча подвела советское руководство к пониманию, что успех переговоров может быть обеспечен только через диалог, притом «конструктивный», по всему спектру проблем, разделяющих Восток и Запад. Позднее и М.С. Горбачев, и Р. Рейган назвали встречу в Рейкьявике важным поворотным пунктом. М. Тэтчер считала этот саммит ключевым событием всей «холодной войны» [Тэтчер, 2014: 35]. Возможно, в результате бесед с Р. Рейганом советский лидер осознал, что до тех пор, пока он не

---

⁴ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М.: «Прогресс»-«Культура», 1993. С. 110.

начнет реформы в СССР, гонку вооружений остановить не удастся. Известно, что в январе 1987 г. в Советском Союзе был взят курс на демократизацию политической системы, хотя накануне, осенью 1986 г., рассматривалась и другая альтернатива. Трудно избавиться от соблазна допустить по крайней мере косвенную связь между итогами Рейкьявика и Пленумом ЦК КПСС в январе 1987 г., тем более что именно в столице Исландии впоследствии был поставлен памятник завершению «холодной войны».

Понимание важности новой повестки в советско-американских отношениях нашло отражение в повлечении ряда структур. В МИД СССР был создан новый департамент — по гуманитарному сотрудничеству, который возглавил заместитель министра А.В. Адамишин. Позднее в аппарате ЦК КПСС (в идеологическом отделе) появился сектор по правам человека. Важным шагом по налаживанию практического сотрудничества стало создание в апреле 1987 г. и начало работы совместной советско-американской комиссии, которую возглавляли А.В. Адамишин и помощник госсекретаря США по вопросам прав человека Р. Шифтер. Формально речь шла о взаимодействии по широкому кругу проблем — от установления межпарламентских связей до борьбы с наркотрафиком, фактически же комиссия занималась конкретными «земными» вопросами: использованием психиатрии как инструмента политических преследований, политическими заключенными в СССР, религиозными ограничениями, правом граждан публично выражать свое мнение, положением СМИ, расширением культурных и научных обменов. На одном из главных мест была «выездная» тема, именно здесь по настойчивым сигналам американской стороны произошли наиболее заметные изменения [Adamishin, Shifter, 2009: 111–161]. Как отмечал Р. Шифтер, в 1988 г. советские партнеры становились друзьями [Adamishin, Shifter, 2009: 149].

В концентрированном виде новые подходы нашли отражение в выступлении М.С. Горбачева в ООН в декабре 1988 г. Его речь готовилась как своеобразный «анти-Фултон», она была призвана запустить механизм *окончания* «холодной войны». Центральным был вопрос о создании нового мирового порядка на основе всеобъемлющей системы международной безопасности при ведущей роли ООН. Важное место отводилось принципу свободы выбора политического и социально-экономического развития, которой должны обладать все народы. Готовность следовать провозглашенным идеям была подкреплена заявлением об одностороннем сокращении на 500 тыс. солдат и офицеров Советской армии, а также о выводе 40% советских танковых дивизий из Восточной Европы.

Значительное влияние на позиции СССР оказала работа Венской встречи СБСЕ, начавшаяся в ноябре 1986 г. Как и ранее, за-

падные страны не откликнулись на советские военно-политические инициативы, предпочитая концентрироваться на правозащитной проблематике применительно к соцстранам. Советский Союз был крайне заинтересован в успехе переговоров о сокращении обычных вооружений в Европе, что к концу 1988 г. привело к стремительному изменению его прежних подходов. Предложение советского министра иностранных дел провести в Москве общеевропейскую конференцию по гуманитарному сотрудничеству первоначально показалось сюрреалистичным. В результате же итоговый документ Венской встречи (январь 1989 г.) включил три позиции, оказавшие определяющее влияние на дальнейшее развитие событий в Европе. Был признан универсальный характер прав человека применительно как к «западным», так и к «восточным» странам. Была признана неделимость гражданских, политических, экономических и социальных прав. За подписавшими документ государствами признавалось право самостоятельно определять содержание своего законодательства, которое, однако, должно было включать все добровольно принятые в рамках хельсинкского процесса международные обязательства. При этом молчаливо подразумевалось, что в западных странах с основными правами все обстоит благополучно, а «совершенствоваться» должны «восточные государства». Для СССР это означало установление достаточно жестких и непривычных рамок как при проведении внутренних преобразований, так и при выражении реакции на события, прежде всего в странах советского блока. Внедрению согласованных принципов в национальные законодательства придавалось особое значение и уделялось повышенное внимание. В марте 1989 г. в МИД СССР было проведено совещание руководителей примерно 20 общесоюзных ведомств. Была поставлена задача привести законодательство в сфере средств массовой информации, религиозных отношений, эмиграции и общественных организаций в соответствие с международными стандартами и «венскими требованиями». Под эгидой МИД создавалась специальная межведомственная группа, которая курировала эту работу.

Пришедшая в Белый дом в январе 1989 г. новая администрация Дж. Буша-ст. в отношении СССР сформулировала доктрину «после сдерживания», исходя из того, что «перестройка» предоставила Штатам рычаги воздействия, которыми ранее они не обладали. Перспективы более решительной политики связывали с возможностями экономического воздействия на Москву. Одна из основных задач виделась в пересмотре идеологических ценностей и политических приоритетов СССР для обеспечения предсказуемости его внешней политики. В числе необходимых преобразований назывались: гарантированное осуществление гражданских, полити-

ческих и экономических свобод; либерализация законодательства и процедуры выборов; независимость судебных органов; «более беспристрастная пресса»; активизация неправительственных организаций; свобода передвижения граждан; право собственности на землю; «отмена монополии КПСС и ликвидация полицейского государства». При этом в Вашингтоне утвердилась идея «тестирования» СССР на «искренность». Оглашая американскую стратегию в отношении Советского Союза, Дж. Буш подчеркивал: «Новые отношения надо заслужить, одних обещаний здесь недостаточно», искренность Советов должна быть выражена в конкретных действиях [Буш, Скоукрофт, 2004: 59, 66–67]. Складывалась своеобразная ситуация, когда *ответственность* за прогресс в советско-американских отношениях ложилась на Москву, а условия улучшения определялись в Вашингтоне.

Обновленческие процессы 1987–1991 гг. в СССР и других социалистических странах включали возникновение организаций и структур гражданского общества, принимавших активное участие в политике. Западные НПО играли роль учителей и спонсоров в этих процессах. Фонд Крибла (филиал фонда «Свободный конгресс», связан с фондом «Наследие») проводил в СССР специальные семинары для активистов демократических организаций, помогая становлению «Демократической России». Активное участие в «поддержке демократической оппозиции» принимал фонд Дж. Сороса, предоставлявший гранты, оргтехнику, особенно в периоды избирательных кампаний. В Москве открылось представительство «Amnesty International». Заметные политические перемены происходили не только в Европе. В 1989 г. в Бирме американская НПО «Международный республиканский институт» принимала участие в неудавшейся попытке смены режима. Сотрудничавшие тогда с ней профессор Дж. Шарп и полковник Р. Хелви разработали на бирманском материале теорию «ненасильственных действий», впоследствии использованную западными НПО в ходе «цветных» революций [Почепцов, 2005: 201].

На первой встрече М.С. Горбачева и Дж. Буша в качестве лидеров своих стран 2–3 декабря 1989 г. на Мальте подводились политические итоги этого насыщенного событиями года [Барсенков, 2012]. В центре обсуждения были «бархатные» революции в Центральной и Восточной Европе. М.С. Горбачев вновь подтвердил, что СССР не будет вмешиваться в дела союзников, которые сами должны сделать свой выбор. Констатировалось волновавшее М.С. Горбачева начало объединения Германии, которое Дж. Буш обещал лишь «не ускорять». По инициативе США обсуждалась ситуация в Литве, Латвии и Эстонии, к тому времени однозначно взявших курс на выход из СССР. Дж. Буш напомнил, что США никогда не

признавали их частью Советского Союза и будут жестко реагировать на любое применение силы со стороны Москвы. М.С. Горбачев, формально не согласившись с односторонним выходом Прибалтики из СССР, уверил, что сила там применяться не будет. Эта позиция впоследствии оказала огромное влияние на сохранение Союза как единого государства.

В 1989 г. советская экономика находилась в состоянии углублявшегося кризиса. На Мальте М.С. Горбачев попросил американского президента об экономической помощи. Дж. Буш увязал возможность приостановки поправки Джексона–Вэника с отказом СССР от поддержки центрально-американских режимов (на Кубе, в Никарагуа и Панаме). В этом случае США готовы незамедлительно приступить к переговорам по заключению торгового договора с СССР и инициировать отмену поправок Стивенсона и Бэрда, ограничивавших возможность предоставления Советскому Союзу кредитов. Тема экономической помощи СССР и условий ее предоставления стала постоянной в советско-американской повестке.

Подводя итоги встречи, Дж. Буш заявил, что в отношениях между СССР и США восторжествовали «западные ценности». На вопрос М.С. Горбачева, почему демократия, гласность, рынок — это западные ценности, Дж. Буш ответил: потому что «США и Западная Европа разделяют их в течение многих лет». Участвовавший во встрече А.Н. Яковлев выразил советскую позицию, заметив, что в таком случае «западные ценности» отличны от «восточных», или «северных», или «южных» ценностей, а в СССР это будет воспринято «как образчик идеологического империализма». Компромисс предложил госсекретарь Дж. Бейкер: следует говорить о «демократических ценностях» как основе общей платформы. Тем не менее американцы отмечали, что «демократические ценности» ассоциируются прежде всего с понятием «Запад», и посчитали это своей победой. В декабре же 1989 г. генеральный секретарь ЦК КПСС констатировал, что «реального социализма» в мире не существует.

Проанализированные в статье обстоятельства дают основания утверждать, что появление термина «мягкая сила» в 1990 г. было прямым следствием окончания «холодной войны», масштаба достигнутых перемен, обобщающим итогом которых стали пересмотр результатов Второй мировой войны и начавшийся демонтаж Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Это нашло отражение, во-первых, в распаде социалистического блока (ОВД, СЭВ), «возвращении» в Европу ранее «вырванных» из нее стран. Неслучайно внешнюю политику «перестроечного» периода характеризуют как «доктрину Горбачева», которую рассматривают как антитезу «доктрине Брежнева», предполагавшую защиту социализма всеми средствами, включая военные.

Во-вторых, в объединении Германии, принявшем форму поглощения ФРГ Германской Демократической Республики, и сохранении «обновленной» Германии в НАТО, что качественно меняло всю структуру европейской безопасности.

В-третьих, в завершении «холодной войны» на условиях Запада. Прекращение конфронтации сопровождалось асимметричными сокращениями советских обычных вооружений в Европе и знаменовалось декларациями о переходе к новым межгосударственным отношениям на основе «европейских ценностей», под которыми понимались либерально-демократические нормы. Сформировавшееся в условиях иной политической культуры советское (а затем и российское) общество не было способно их автоматически воспринять, что уже тогда открывало возможности для использования «правочеловеческой» проблематики как инструмента в отношении Запада и России. Известен тезис о «конце истории», выдвинутый Ф. Фукуямой. Он писал, что, «видимо, мы становимся свидетелями конца истории как таковой: это означает конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы человеческого правления. Конечно, кое-где, в третьем мире, могут иметь место конфликты, но глобальный конфликт позади, и не только в Европе. Именно в неевропейском мире произошли огромные изменения, в первую очередь в Китае и Советском Союзе. Война идей подошла к концу <...> победу с триумфом одержала всемирная либеральная демократия» [Fukuyama, 1989: 9]. Применительно к рассматриваемой нами теме важно отметить, что сразу замеченная многими статья Ф. Фукуямы в журнале «The National Interest» появилась в летнем номере 1989 г. и отразила победные настроения на Западе, где начавшееся отступление СССР уже ощущалось как его поражение.

В-четвертых, в форме ухода Советского Союза из зон вооруженных конфликтов (Афганистан, Ангола, Никарагуа), который не только был чреват значительными репутационными издержками, но и в перспективе содержал угрозу возникновения новых конфликтных зон.

В-пятых, в резком ослаблении государственной субъектности и в конечном счете — в провале *реформирования* советской системы. Новый внешнеполитический курс СССР формировался в условиях начала радикального изменения системы общественных отношений в стране. Безусловно, необходимость демократизации советского общества была им выстрадана в послесталинский период, и нельзя утверждать, что политико-идеологические преобразования были навязаны извне. В то же время выбор момента, недоучет социально-экономического контекста, темпы (связанные с желанием быстрее выйти на заключение соглашений по вооружениям)

и формы перемен в государственно-политической и идеологической сферах, происходивших под мощным внешним воздействием, оказали огромное влияние на «перестроечные» процессы в 1987–1990 гг., привели не только к экономическому коллапсу СССР, но и к распаду исторического Российского государства. Изменение соотношения сил проявилось уже в 1990–1991 гг. в ходе «войны в Заливе». Неслучайно Дж. Буш в сентябре 1990 г. заявил о складывании «нового мирового порядка» при лидерстве США.

В-шестых, в глубоком хозяйственном кризисе в СССР, с одной стороны, и преодолении конфронтации с Западом — с другой, что породило надежды и расчеты на серьезную материальную поддержку для проведения рыночной перестройки экономики. К лету 1990 г. СССР обращался с просьбами о помощи к 12 государствам, важнейшие политические переговоры (в том числе по объединению Германии) сопровождались обсуждением условий *возможной* финансовой поддержки Союза. Подготовленные к середине 1990 г. программы перехода к рынку (союзный «план Л.И. Абалкина» и российская программа «500 дней» С.С. Шаталина и Г.А. Явлинского) в качестве обязательного элемента включали крупные займы за рубежом. Таким образом, у США и его партнеров возникал мощный инструмент влияния не только на внешнюю политику недавнего противника, но и на определение его внутренних приоритетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсенков А.С. Новое мышление во внешней политике СССР. 1985–1991 // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 4–38.
2. Брутенц К.Х. Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014.
3. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004.
4. Квицинский Ю.А. Время и случай: записки профессионала. М.: Олма-Пресс, 1999.
5. Квицинский Ю.А. Россия–Германия: воспоминания о будущем // Наш современник. 2006. № 3. С. 166–193.
6. Лики силы. Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики. М.: Международные отношения, 2013.
7. Лисичкин В., Шелепин Л. Война после войны: информационная оккупация продолжается. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.
8. Мэтлок Дж. Рейган и Горбачев. М.: Изд-во Р. Валент, 2005.
9. Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014.
10. Остапенко Г.С. Борьба СССР в ООН за социально-экономические права человека в 1945–1977 гг. М.: Наука, 1981.
11. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. МГИМО (У) МИД России. Аналитические доклады. Вып. 1 (36). Март 2013.

12. Почепцов Г.Г. Революция.com: основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005.
13. Савин М.С. США: поход против подлинных прав человека. М.: Интернациональные занятия, 1983.
14. СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М.: Международные отношения, 1989.
15. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альбина Паблишер, 2014.
16. Ширяев Б.А. Внешняя политика США. СПб., 2006.
17. Adamishin A., Shifter R. Human rights, perestroika and the end of Cold War. Washington: United States Institute of Peace Press, 2009.
18. Fukuyama F. The end of history? // The National Interest. 1989. Vol. 16. P. 3–18.
19. Hadiwinata B.S. The politics of NGOs in Indonesia: developing democracy and managing a movement. London; New York: RoutledgeCurzon, 2003.

A.S. Barsenkov

**HUMAN RIGHTS DISCOURSE AS AN ELEMENT
OF THE WESTERN ‘SOFT’ LEVERAGE OVER
THE SOCIALIST STATES DURING THE COLD WAR**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

One of the characteristic features of the contemporary foreign policy discourse both in the Western countries and in Russia is a growing interest in the use of non-military and non-economic tools, or ‘soft power’ tools, to improve a country’s global stance. However, there is still no consensus in Russia’s political and academic circles on efficiency of the ‘soft power’ policy, its expedience, advantages and disadvantages. This paper tries to fill this gap with the analysis of the origins of the concept of ‘soft power’. The paper focuses on the use of human rights discourse by the Western countries during the Cold War. Special attention is paid to the activities of different non-governmental organizations. The author emphasizes that already at the beginning of the post-World War II period fundamental differences in the approaches to human rights protection in the Western countries on the one hand, and in the USSR and its allies — on the other, became apparent. From the author’s point of view, the turning point in the application of the human rights discourse against the socialist states came in the late 1960s — early 1970s. The signing of the Helsinki Final Act in 1975 led to a surge in international human rights organizations’ activism and to a boost in their financial backing. These tendencies provided a context for highest-level Soviet-American talks on a wide range of security, political, economic and humanitarian issues during ‘perestroika’. The author examines the process of negotiations and their outcomes, including the termination of the Cold War on the Western terms. Such analysis of the final stages of the Cold War might

provide another explanation of the cautious attitude of the Russian political elites towards the concept of 'soft power'.

Keywords: Soviet Union, United States, 'soft power', Cold War, human rights, human rights organizations, non-governmental organizations, 'perestroika', 'new thinking', Helsinki Final Act, Mikhail Gorbachev, Ronald Reagan, George H.W. Bush.

About the author: *Aleksandr S. Barsenkov* — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: barsenkov@yandex.ru).

Acknowledgements: This work has been supported by a grant from the President of the Russian Federation for leading research schools of the Russian Federation (NSH-2427.2014.6).

REFERENCES

1. Barsenkov A.S. 2012. *Novoe myshlenie vo vneshnei politike SSSR. 1985–1991* ['New thinking' in Soviet foreign policy (1985–1991)]. *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 5, pp. 4–38. (In Russ.)
2. Brutents K.Kh. 2014. *Velikaya geopoliticheskaya revolyutsiya* [Great geopolitical revolution]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
3. Bush G., Scowcroft B. 1998. *A world transformed*. New York, Knopf [Russ. ed.: Bush Dzh., Skoukroft B. 2004. *Mir stal drugim*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.].
4. Kvitsinskii Yu.A. 1999. *Vremya i sluchai: zapiski professionala* [Time and chance: professional's essays]. Moscow, Olma-Press Publ. (In Russ.)
5. Kvitsinskii Yu.A. 2006. *Rossiya–Germaniya: vospominaniya o budushchem* [Russia–Germany: memories about the future]. *Nash sovremennik*, no. 3, pp. 166–193. (In Russ.)
6. *Liki sily. Intellektual'naya elita Rossii i mira o glavnom voprose mirovoi politiki* [Faces of power. Russian intellectual elites on the central question of world politics]. 2013. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
7. Lisichkin V., Shelepin L. 2005. *Voina posle voiny: informatsionnaya okkupatsiya prodolzhaetsya* [War after the war: information occupation continues]. Moscow, Eksmo, Algoritm. (In Russ.)
8. Matlock J.F. 2004. *Reagan and Gorbachev*. New York, Random House [Russ. ed.: Metlok Dzh. 2005. *Reigan i Gorbachev*. Moscow, R. Valent Publ.].
9. Nye J.S. 2011. *The future of power*. New York, Public Affairs [Russ. ed.: Nai Dzh. 2014. *Budushchee vlasti*. Moscow, AST Publ.].
10. Ostapenko G.S. 1981. *Bor'ba SSSR v OON za sotsial'no-ekonomicheskije prava cheloveka v 1945–1977 gg.* [The struggle of the USSR in the United Nations for social and economic human rights, 1945–1977]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
11. Parshin P.B. 2013. *Problematika 'myagkoi sily' vo vneshnei politike Rossii* ['Soft power' in Russia's foreign policy]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

12. Pocheptsov G.G. 2005. *Revolyutsiya.com: osnovy protestnoi inzhenerii* [Revolution.com: fundamentals of protest engineering]. Moscow, Evropa Publ. (In Russ.)
13. Savin M.S. 1983. *SShA: pokhod protiv podlinnykh prav cheloveka* [United States: crusade against real human rights]. Moscow, Internatsional'nye zanyatiya Publ. (In Russ.)
14. *SSSR i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti prav cheloveka* [USSR and international protection of human rights]. 1989. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
15. Thatcher M. 2002. *Statecraft: strategies for a changing world*. New York, NY, HarperCollins [Russ. ed.: Tetcher M. 2014. *Iskusstvo upravleniya gosudarstvom. Strategii dlya menyayushchegosya mira*. Moscow, Al'bina Publ.].
16. Shiryayev B.A. 2006. *Vneshnyaya politika SShA* [Foreign policy of the United States]. St. Petersburg. (In Russ.)
17. Adamishin A., Shifter R. 2009. *Human rights, perestroika and the end of Cold War*. Washington, United States Institute of Peace Press.
18. Fukuyama F. 1989. The end of history? *The National Interest*, vol. 16, pp. 3–18.
19. Hadiwinata B.S. 2003. *The politics of NGOs in Indonesia: developing democracy and managing a movement*. London, New York, RoutledgeCurzon.